

Ростовская СТАРИНА

Выпуск № 11 (180)

Ноябрь, 2017

Газета

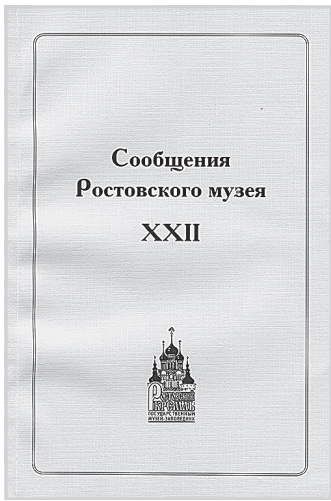
Государственного

музея-заповедника

«Ростовский кремль»

Издания «Ростовского кремля», вышедшие в 2017 году

Сообщения Ростовского музея. – Ростов, 2017. – Выпуск 22. – 300 с.; ил. – ISBN 978-5-9908342-7-9

Сборник составляют 12 публикаций.

Открывает книгу работа известного российского историка С. М. Каштанова (Институт всеобщей истории РАН) «Договор Святослава 971 г. – первый русский

княжеский акт». Всестороннему анализу подвергнут один из русско-византийских договоров, дошедших до нас в летописях.

А. Г. Мельник (ГМЗРК) в статье «"Ростовские патерики" конца XV – XVI в.» анализирует группу из девяти до настоящего времени не изученных источников по истории почитания святых.

Обзор «Ярославль и Ярославский край в XVII веке глазами голландцев» делает П. Г. Аграфонов (ЯГПУ им. К. Д. Ушинского).

С. А. Семьячко (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН) в статье «Новонайденные автографы Диомиды Яковлева сына Серкова» сообщает о двух доселе неизвестных автографах книжника рубежа XVII–XVIII веков.

Статья М. А. Федотовой (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН) «К вопросу о "Сказании о явлении и чудесах от иконы Богоматери Толгской" (Об одной "ошибке" святителя Димитрия Ростовского)» посвящена работе святителя Димитрия

Ростовского над одной из редакций «Сказания» в ходе составления Четых Миней.

Исследование «Крестьяне Ростовского уезда в подмосковных усадьбах своих помещиков в конце XVIII – первой половине XIX в.» А. Г. Морозов (ГМЗРК) построил на результатах изучения архивов «домовых контор» крупнейшего землевладельцев Ростовского уезда указанного времени.

Статья Л. В. Печкиной (ГМЗРК) «Каменный мост Ростова» представляет собой первое научное исследование памятника, построенного в начале 1960-х гг.

Д. Ф. Полознев (Учебно-методический и информационный центр работников культуры и искусства Ярославской области) в статье «Материалы к истории Ярославского музея-заповедника» сообщает об опыте работы над историей музея и публикует основанную на статьях и заметках в газетах и книгах «Хронику событий 1865–2013 гг.». Я. Е. Смирнов (ГМЗРК) вво-

дит в научный оборот собрание писем одного из значительных деятелей музейного движения конца XIX века («"Вы не изменяете себе и носите в груди воспламененное сердце..."» Письма А. И. Кельсиева А. А. Титову (публикация, исследование, комментарий)). Публикация сообщает много новой информации по истории Ростовского музея, музейного дела в России в целом, коллекционирования, организации выставок.

В статье «Финифть в Ростовском музее: к истории музейфикации промысла» Л. Ю. Мельник (ГМЗРК) исследует историю выделения местного художественного промысла в тему для отдельной музейной экспозиции.

Е. Г. Артемичева (ГМЗРК) статьей «К вопросу о советском артельном производстве ростовской финифти в 1920–1930-е гг.» сообщает новые сведения по истории финифти советского времени.

Завершает сборник «Список трудов Дмитрия Федоровича Полознева за 1983–2017 гг.».

История и культура Ростовской земли. 2016. – Ростов, 2017. – 404 с.; ил. – ISBN 978-5-990842-9-3

Сборник материалов конференции 2016 года состоит из 35 статей по истории Ростова, Ростовской земли и России, археологии, древнерусскому искусству, исследования предметов старины из музейных и частных собраний, хронологически представлен период от средневековья до конца XX в.

Древняя история Ростовской земли стала темой публикаций К. А. Аверьянова (О времени возникновения Ростова Великого), М. Н. Бутырского (Подвесная печать великой княгини Марии-Агафии Мстиславны), А. В. Сергеева (Ростовские Юриковичи в XVI–XVII веках: политическая деятельность и землевладение), А. Г. Мельника (Когда ростовского митрополита Иону стали величать Сысоевичем?).

Результаты археологических исследований сообщают С. З. Чернов (Курганный комплекс и селище Лешково 11 в. в верховьях Оржавца: Радонеж за полвека до отрока Варфоломея) и В. Л. Щербаков (Культурный слой Нерехты по данным археологического обследования 2015 г.).

Истории северных русских земель XIII–XVI вв. посвящены статьи А. Л. Грязнова и М. С. Черкасовой (Северные слободы в XIII–XVI вв.: источники и задачи изучения), А. Л. Грязнова (Корпус ранних белозерских актов).

Предметы из коллекций Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль» стали темой работ Н. А. Селунской (Нотариальное искусство в итальянских городах и документы из собрания Ростовского музея), Е. В. Брюхановой (Подносные деревянные блюда конца XIX в. в собрании Ростовского музея), А. Е. Виднеевой и В. В. Левской (Переписка яковлевского иеромонаха Димитрия (Сперанского) середины XIX в. в архивном собрании музея «Ростовский кремль»), А. Е. Виднеевой («Ясно, тихо, тепло...»: дневник яковлевского наместника архим. Пахомия рубежа XIX–XX вв. из собрания Ростовского музея).

Деятельность реставраторов представлена в публикациях К. И. Маслова и Р. В. Лобзовой (Исправление одной старой ошибки: замечание о составе левкасов ростовских стенописей), В. А. Попова (Колокольня церкви Иоанна Богослова на реке Ишне. Исследование, проект реставрации 2011 г.).

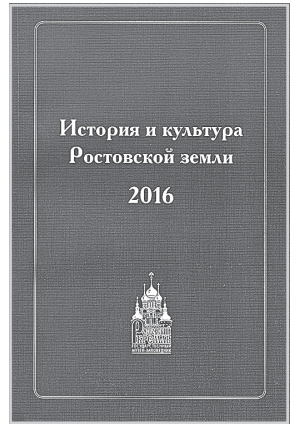
Искусству Древней Руси и раннего Нового времени посвящены статьи В. Г. Пуцко (Стиль резьбы сюжетных композиций царских врат церкви Исидора Блаженного в Ростове Великом (1566 г.)), А. Г. Мельника (Житие Леонтия Ростовского в миниатюрах Лицевого летописного свода), А. В. Силкина (Древнейшая плащаница ростовского Успенского собора. Обретение памятника), О. А. Суховой («Чудесное плавание» по Волхову, Оке и Неро. К вопросу об одном иконографическом мотиве) и А. В. Скворцова-Питерского (Проблема описания росписей церкви Вознесения в Ростове Великом).

Книжность Ростова рассматривают в своих статьях Н. Н. Бедина (Ярославский Часослов XIII в. как часть ростовского монастырского наследия), Ю. С. Белянкин (Памятники Ростово-Ярославской книжности и истории: новые находки) и В. П. Пушков (Книжные покупки Ростова Великого в лавке Московского печатного двора в XVII веке).

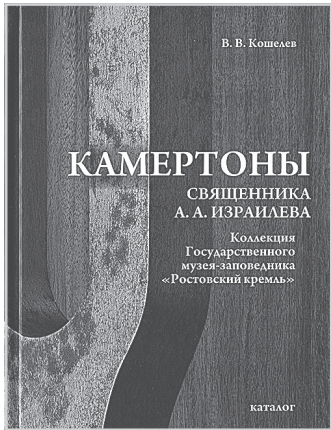
Различные аспекты истории Древней Руси и раннего Нового времени рассматривают архим. Макарий (Веретенников) (Деятельность патриарха Филарета до времени его Первопрестольной интронизации), А. В. Зубатенко (Опись келейного имущества ростовского митрополита Ионы Сысоевича 1690 года из собрания Государственного исторического музея), А. В. Зубатенко и Д. Ф. Полознев (Настоятели Ярославского Спасского монастыря XIV–XVII вв. (библиографические изыскания)), А. О. Крылов (Историческая география служения свт. Димитрия Ростовского (1701–1709 гг.)).

Церковной истории посвящена статья М. К. Павлович (Священнослужители Московского Кремля – представители духовенства центральных губерний России XIX – начала XX вв.).

Группу исследований по местной истории XVIII–XX веков составили работы Е. И. Крестьяниновой (Ростовские купцы и их «новокрещёны» в 1730–1780е гг.), А. Г. Морозова (Торговая деятельность первостатейных крестьян Ростовского уезда в конце XVIII – первой половине XIX в.), Г. Н. Ланского (Особенности аграрного развития Ростовской земли во второй половине XIX – начале XX века), В. Ф. Пак (Финифтяные дела мастера Ростова Великого конца 1919 – начала 1920 гг.), А. Ю. Парфенова (Паломничество к урочищу «Гора святой Марии» в XX веке), А. Л. Каретникова и А. В. Киселева (Расказы о местности «Марья Святая» / «Гора святой Марии» (на материалах полевых исследований)).

Кошелев В. В. Камертоны священника А. А. Израилева. Коллекция Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль» (каталог). – Ростов Великий, 2017. – 96 с.; ил. – ISBN 978-5-9908342-5-5

Издание содержит музееведческое исследование и научный каталог коллекции камертонов протоиерея Аристарха Александровича Израилева (1817–1901) из собрания Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль».

Камертоны, воспроизводящие основные тоны знаменитые колоколов Большой соборной звонницы в Ростове Великом, были изготовлены священником и преподнесены в дар музею 28 октября 1884 г.

Уникальный музыкальный

инструмент и музейный экспонат – набор из 10 камертонов и сегодня остается живым памятником таланту самобытного акустика и колоколоведа, воплощением традиций Ростовского музея.

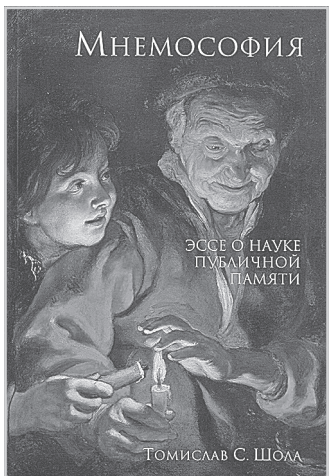
Автор исследования – Владимир Васильевич Кошелев – ведущий научный сотрудник, хранитель Коллекции музыкальных инструментов Санкт-Петербургского Государственного музея театрального и музыкального искусства, эксперт Министерства культуры Российской

Федерации по музыкальным инструментам и архивным материалам по музыкальной культуре.

К изданию прилагается CD-диск с записью звучания камертонов. Представленные треки содержат примеры тонов всех камертонов в отдельности, звучание переборов от низкого к высокому, и наоборот, а также в сочетании двух разных камертонов. Один из 15 треков воспроизводит «Ионинский звон», переложенный на ноты священником А. А. Израилевым.

«Мнемософия» Томислава Шолы: премьера книги

Шола Томислав С. Мнемософия. Эссе о науке публичной памяти / ИКОМ России; ГМЗ «Ростовский кремль». – Ростов Великий, 2017. – 320 с. – ISBN 978-5-9908342-8-6

Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль» совместно с ИКОМ России в 2017 г. выпустил в свет книгу всемирно известного хорватского музеолога Томислава Шолы «Мнемософия. Эссе о науке публичной памяти».

Томислав Шола является одним из крупнейших теоретиков и практиков музейного дела. Он автор 8 книг и более 250 статей на темы сохранения и актуализации в современном мире культурного наследия. Российским специалистам имя музеолога

хорошо известно по его книге «Вечность здесь больше не живет. Толковый словарь музейных грехов», изданной в 2013 г. музеем-усадьбой «Ясная Поляна». Ученому и общественному деятелю принадлежит честь основания и руководство фестивалем музейных проектов The Best in Heritage («Лучшие в наследии»), ежегодно проходящем в Дубровнике (Хорватия) и собирающем талантливых музейщиков со всего мира.

Новый капитальный труд Т. Шолы – итог длительных и глубоких размышлений на тему «тотального наследия» на протяжении всей творческой карьеры ученого, начиная с 70-х годов прошлого века. Книга впервые увидела свет на английском языке в Загребе в 2015 году. Вышедшая тогда ограниченным тиражом (всего 200 экз.), она моментально разошлась среди заинтересованных читателей, завоевывая как новых сторонников, так и «провоцируя» прежних и новых критиков концепции наследиеведения и философии наследия.

Русский перевод книги, вы-

полненный Ольгой Синицыной, профессиональным экспертом в области музейного и библиотечного строительства, призван во всей полноте и нюансах познакомить российского читателя с теоретическими основами науки публичной памяти.

Впервые термин «мнемософия» Т. Шолы предложил в 1989 году в качестве «общего теоретического знаменателя» для таких смежных «наследиеведческих» дисциплин, как музеология, библиотечное дело, архивоведение, энциклопедистика и документоведение. Действительно, всех их объединяет понятие наследия, объемлющее опыт человечества во всем его разнообразии и полноте. Многие, что уже тогда нашло отражение в характеристике содержания и значения глобального наследия и развития мировой музейной практики, явилось предвидением ученого.

Увидевшее свет издание Т. Шолы – это не столько своеобразный итог теоретических и практических штудий замечательного ученого и творца нового позитивного знания, сколько

метод и вектор конструирования будущей профессии в сфере наследия. Потому его труд адресован не только музейному сообществу, уже проявившему большой интерес к новому изданию.

В конце сентября 2017 г. книга «Мнемософия» была представлена на традиционном фестивале The Best in Heritage в Дубровнике. В своем выступлении профессор Томислав Шола сердечно поблагодарил российских коллег за прекрасно исполненное издание, повторив слова из своего предисловия, что воспринимает «перевод на русский язык как глубокую профессиональную и личную честь». В первых числах ноября в Красноярске состоится ежегодная ярмарка книжной культуры, где также пройдет презентация музейного издания. Для этого события Фонд Михаила Прохорова закупил 100 экземпляров книги «Мнемософия», имея в виду ее безвозмездную передачу в публичные библиотеки и музейные организации.

В рамках XXVII научной конференции «История и культура Ростовской земли», которая в этом году будет проходить 8–10 ноября, «Ростовский кремль» представит широкой общественности свое новое издание. В презентации книги в музее примет участие автор – профессор Томислав Шола и переводчик труда – Ольга Синицына.

Фотографии ростовских звонарей 1960-х годов

Публикуемые фотографии изначально принадлежали Александру Сергеевичу Бутылину (1891–1971). Все мы знаем, что он являлся руководителем команды звонарей, исполнивших звон на колоколах Ростовской соборной звонницы в марте и июне 1963 года. Эти звонны тогда были запи-

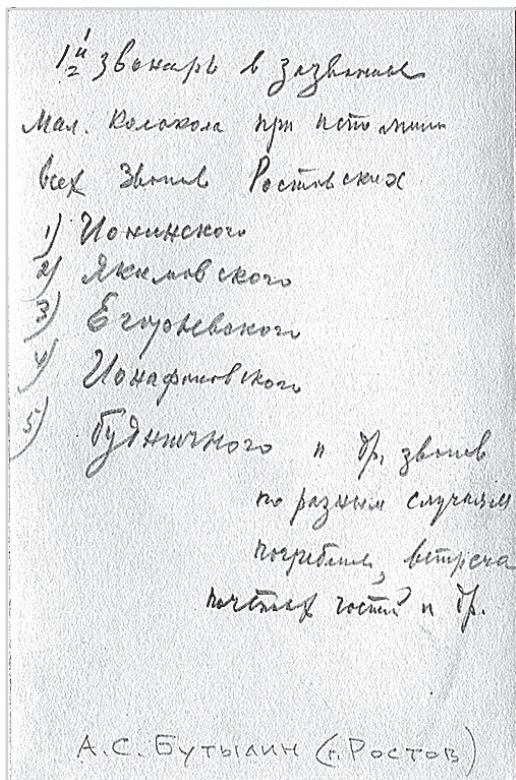

Ил. 1

саны, вышли на грампластинке и благодаря оscarоносному фильму «Война и мир» Сергея Бондарчука, в котором они использованы, стали всемирно известными.

После смерти А. С. Бутылина эти снимки оказались в Санкт-Петербурге у его родственника В. П. Бударagina, одного из старших сотрудников Института русской литературы (Пушкинский Дом). И он при одной из наших встреч передал их мне.

Ценность данных фотографий заключается в том, что на их оборотах рукой самого А. С. Бутылина,

Ил. 2

как утверждает В. П. Бударagina, сделаны поясняющие надписи. Правда, на самом деле часть надписей выполнена другим почерком.

На обороте первого снимка (ил. 2) читаем: «1-й звонарь в зазвонные мал(ые) колокола при исполнении всех звонны Ростовских. 1) Ионинского, 2) Якимовского, 3) Егорьевского, 4) Ионафановского, 5) Будничного и др. звонны по разным случаям – погребение, встреча почетных гостей и др.». Ниже другим почерком: «А. С. Бутылин (г. Ростов)». Тем же вторым, оче-

видно, небутылинским почерком на обороте второй фотографии (ил. 3) написано: «А. С. Бутылин со товарищи. г. Ростов, 60-е гг.».

Надписи на обороте третьей фотографии (ил. 5) сделаны, вероятно А. С. Бутылиным, таким образом, что соответствуют местоположению персонажей на ее лицевой стороне. В верхнем ряду справа налево (на лицевой стороне (ил. 4) слева направо): «Звонарь Урановский Михаил Сергеевич. Звонарь в большой колокол «Сысой» Королев Николай Григорьевич». В нижнем ряду справа

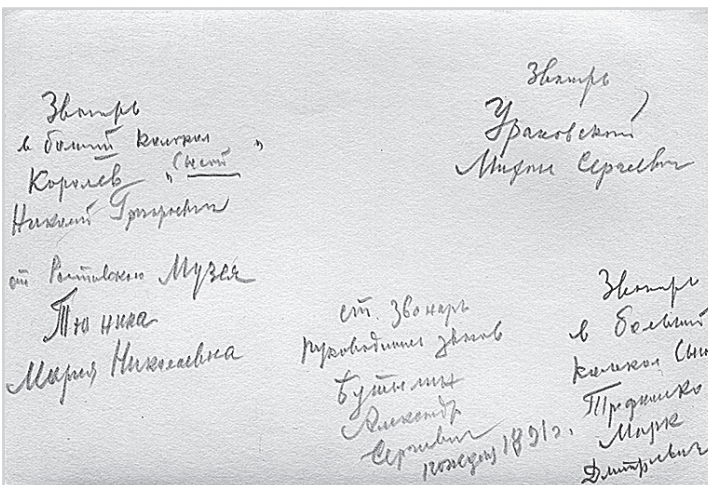
Ил. 3

налево (на лицевой стороне слева направо): «Звонарь в большой колокол Сысой Трофименко Марк Дмитриевич. Ст(арший) звонарь Бутылин Александр Сергеевич рождения 1891 г. От Ростовского Музея Тюнина Мария Николаевна». Все названные люди явно сфотографированы в Ростовском музее, о чем свидетельствует картина, виднеющаяся за их спинами. К сожалению, эти снимки не имеют точной датировки. Они могли быть выполнены между 1963 и концом 1960-х гг.

Александр Мельник

Ил. 4

Ил. 5

Древнейшее прошлое Ростовской земли

Бронзовый век — новые гости

Продолжение. Начало в «РС», № 168-169, 172-174, 176-177

Другое племя – его долго не могли отличить от фатьяновского, и назвали его керамику фатьяноидной – вело себя совершенно иначе. Могил этих людей мы не знаем, видимо, был такой обряд, что они не сохранялись. Племя – тоже откуда-то с юга, тоже знакомо с металлом и со скотоводством. Они были всюду: такую посуду находим и на Оке, и на Дубне, на окрестных озерах и верховьях Мологи, и в Вологде – вплоть до южного берега Онежского озера. И всюду, где фатьяноидная посуда встречается, начинает портиться каменная техника. Это значит – появились бронзовые рабочие инструменты.

Племя роднилось с туземцами, что проявляется в сосудах с чертами обеих культур. Именно на фатьяноидной посуде впервые появляется сетчатая поверхность. Назначение ее – до сих пор загадка. Украшение – или технология? По-моему – компромисс, но не между толкованиями, а между пришлыми и местными. Волосовцы орнаментировали посуду целиком, а фатьяноиды украшали только полоской орнамента на венчике

и плечике. Одни не терпели голых горшков, другие считали такое украшательство бессмысленным, и, оказавшись в одной семье, женщины пошли на такой компромисс: пусть будет горшок одетый, но бессмысленно. А туземцам пришлось многое заимствовать: их навыки не очень подходили для быта скотоводов, горшки у пришлых получались и легче, и прочнее – так, может, из-за их орнамента?

В XXI в. до н.э. на Оке появляется новый народ – поздняя культура. Откуда – мы не знаем. Вероятно, тоже с Днепра. Земледельцы (а какие земледельцы без скота?) ставили солидные дома. Но за Окой в песчаной Мещере делать земледельцам нечего. Однако и здесь они есть – на таких стоянках, при которых луга. То есть, там, где земледелие было продуктивно, люди земледельцами и остались (через 2–3 тысячи лет на этих же местах встали крестьянские дворы). В лесах и на лугах продуктивным оказалось скотоводство. То же, с чем познакомили лесовиков предыдущие переселенцы. И все они тут встретились и породнились.

Интереснейшая стоянка при устье

р. Ишни исследовалась несколько лет К. В. Ворониным. Лучшее здесь сохранился слой с сетчатой керамикой, с остатками жилищ, лишь немного углубленных – на толщину дерна. Слой, образовавшийся на земляном полу, резко отличался от того, что вне дома. Ряды столбов держали крышу и внутренние перегородки. В доме плавил медь: встречаются обломки тиглей, мелкие капли металла, но делали и каменные орудия. Единственный в доме очаг – постоянно горящий костер на песчаной подсыпке. Возле него в неглубоких ямках – в теплом месте – обнаружены горшки. Получается, что готовили не на костре, а у костра. Для этого годятся и чинёные горшки.

Горшки многое сказали о родоплеменности: форма тулова – как у воловских рыболовов, но с «сетчатой» поверхностью, орнамент – как у фатьяноидных сосудов, – от тех людей, которые принесли медь, а форма горла – от поздних ковцев, да и сам способ готовить не на костре, а при костре – от них же, варивших каши. Хлеба они еще не знали. Еще более пестрая смесь проявляется в посуде стоянки Ли-

повка 1, на противоположном берегу Неро. Можно узнать руку женщины, пришедшей с низовой Оки, а два горшка – таких у нас больше нет, да и глина совершенно не знакомая – скорее всего с Кубани или низовой Дона (ил. 1). Но всех переселенцев принимали потомки тех, кто пришел в безлюдный приледниковый край. Земли и воды хватало всем.

Владимир Сидоров

Ил. 1. Сосуд из раскопок 1989 г. стоянки Липовка 1, представленный на экспозиции «Ростовская земля с древнейших времен до конца XV в.». Рисунок Сергея Григорьева

К истокам образования централизованного архива в Ростове

При работе с архивными документами Ростовского музея церковных древностей были обнаружены отчет Комиссии по административно-хозяйственному управлению Ростовским кремлем за 1917 г. и отношение Комитета музея в городскую управу о передаче личного архива купца-мецената А. Л. Кекина.

В первом документе сообщается, что члены этой Комиссии собирались в течение года на четыре заседания, на которых рассматривали различные вопросы, в т.ч. заявление делопроизводителя архива Морского министерства М. Варфоломеева о предоставлении помещения для архива, библиотеки и музея указанного министерства.

Факт обращения Варфоломеева в музей не был случайным. В 1917 г. ростовские музейщики успешно работали над спасением архивов Успенского собора (см.: Крестьянинова Е. И. Немного истории // Ростовский вестник. 2003. 11 нояб.), Ростовского духовного правления, купца А. Л. Кекина.

Это стало началом существования в музее архива. Таким образом, централизованной архивной службе в Ростове в этом году исполняется 100 лет.

Оба документа – это машинописный текст на белом листе бумаги, немного пожелтевшем от времени.

Первый документ: ширина листа по верхнему и нижнему краю 44,2 см, длина по корешку и внешнему (боковому) краю составляет 35,8 см. Лист сфальцован (согнут) пополам и вложен (не подшит) в другой такой же. На лицевой стороне каждого из этих двух листов, собранных в тетрадь, верхнем правом углу простым карандашом написана цифра 1 и 2, а на оборотной – 4 и 3, которые обозначают архивную нумерацию для каждой из половин самостоятельно значащихся в деле листов. Таким образом, в деле четыре листа.

Ранее документ был подшит в скоросшиватель, поэтому на бумажном носителе имеется две пары параллельных отверстий, сделанных при помощи дырокола. Диаметр каждого 5 мм. Интервал между двумя отверстиями, сделанными параллельно друг другу по ширине листа до их середины, – 2 см. Кромка первых отверстий отступает от верхнего обреза листа на 13,8 см, а вторых от нижнего – на 13,6 см.

Между верхними и нижними парами параллельных отверстий имеется утрата бумаги, по контуру в виде ромба, размером около 8 x 8 мм.

На сгибе листа (по корешку) между отверстиями от дырокола сохранился обрывок тонкой белой нити, с небольшим «напуском». Его длина 4,5 см. Такой нитью лист ранее был подшит в дело.

Второй документ: ширина листа по верхнему и нижнему краю 20,5 см, длина по корешку и внешнему (боковому) краю составляет 22,3 см. С отступом от левого бокового обреза на 3 см лист сфальцован (согнут) по длине на две части. Первая размером 22,3 x 17,5 см, а вторая – 22,3 x 3 см.

В верхнем правом углу первой части листа простым карандашом написана цифра 24, над зачеркнутой цифрой 45. Это обозначает архивную нумерацию, которая была проставлена на документе после сделанной ранее.

Там же в верхнем левом углу черными чернилами сделана помета: «Ноября 10-го дня 1917 г. № 60.».

С отступом от места сгиба листа (корешка) до центра отверстия на 1 см на листе бумаги имеются два отверстия, сделанных дыроколом. Через них документ подшит белой нитью в дело. Поскольку лист в этом месте согнут, то на нем имеются четыре отверстия. Диаметр каждого 5 мм. Интервал между двумя отверстиями, сделанными параллельно друг другу до их середины 2 см. Кромка первой пары отверстий отступает от верхнего обреза листа на 7,7 см, а второй от нижнего обреза – на 5,8 см.

Текст в обоих документах передается современным гражданским шрифтом с заменой отсутствующих в современном алфавите букв: «і» заменяется на «и», «ятъ» – на «е». Буква «ъ» в конце слова опускается. Знаки препинания расставляются в соответствии с современными правилами. Листы рукописи (recto и verso) отмечаются в скобках; указывается номер листа – просто для recto и с прибавлением сокращения «об.» – для verso. Уточнения и пояснения приведены в тексте в круглых и квадратных скобках.

Данные источники представляют самостоятельный интерес, поэтому ниже они публикуются полностью.

Константин Степанов

Окончание – на 4-й с.

Труды и издания А. А. Титова: историографические очерки

«Дневник Марины Мнишек (1607–1609 г.)»

В публикаторском наследии историка и купца А. А. Титова особое место занимает тема русской Смуты начала XVII века. Ростовец посвятил ей целый ряд своих документальных изданий, увидевших свет в первое десятилетие XX столетия. Особенность внимания археографа к этому сложному и драматичному периоду отечественной истории стал интерес к польским источникам. До сих пор наиболее яркой публикацией здесь выступает знаменитый «Дневник Марины Мнишек (1607–1609 г.). По рукописи Краковского Музея князя Чарторыйского № 1633» (М., 1908).

Связь исторических событий, описываемых в иностранном источнике, с Ростовской и Ярославской землей и привела А. А. Титова к открытию этой редкой рукописи, хранившейся в краковском Музее князей Чарторыйских (№ 1633). А непосредственным поводом поездки ростовца летом 1902 г. в Краков послужила его находка в одной из древних рукописей Ростовского Борисоглебского монастыря короткой записи, повествующей о судьбе узника обители – испанского монаха-августинца Николая де Мелло: «Лета 7116 [1608] месяца... латинский поп Николай услан в пустынь Спасскую».

Документальную находку А. А. Титова по достоинству оценил известный историк Смуты, католический священник Павел Пирлинг, писавший из Парижа, что записка «очень любопытна и счастливо пополняет те немногие данные, которые имеются налицо». Надеюсь отыскать какие-либо новые сведения о патере Николае де Мелло, в том числе и его письма из Борисоглебского монастыря к Мнишкам и другим полякам, в ту пору находившимся в ссылке в Ярославле и Ростове, А. А. Титов устремился в краковский музей, где и поныне хранится архив польских шляхтичей Мнишков.

Снабженный рекомендацией о. П. Пирлинга, здесь ростовец близко сошелся с директором музея, профессором Ягеллонского университета Марианом Соколовским. О своих краковских впечатлениях А. А. Титов сообщил издателю «Русского архива» П. И. Бартневу: «А какой архив и музей Чарторыйских! Благодаря любезности заведующего доктора Соколовского я осмотрел [всё] подробно. Он обещал мне дать копию с пи-

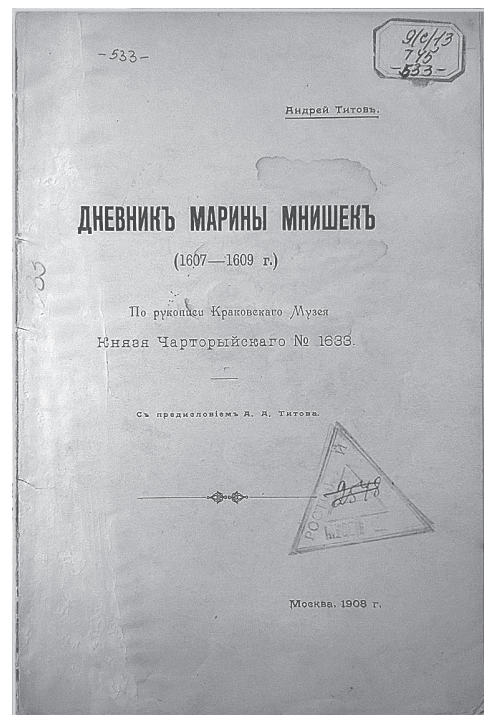
сем, получаемых в 1609 г. Мнишками из России. Особенно в порядке архив. Сколько тут русских материалов. Вообще, Краков достоин изучения, а русскими посещается мало».

И хотя посланий монаха де Мелло обнаружить так и не удалось, их отсутствие было вознаграждено другими замечательными открытиями. В 1908 г. А. А. Титов делился своими воспоминаниями об археографических встречах в Кракове: «Там, благодаря любезности хранителя знаменитого музея кн. Чарторыйского, доктора Соколовского, представившего для моих поисков все богатое рукописное собрание музея, мне привелось, при его содействии, отыскать две ценные рукописи». Одним из этих манускриптов и оказался ранее неизвестный список «Дневника Марины Мнишек».

Впервые «Дневник Марины Мнишек» на русском языке был опубликован еще в 1834 г. Н. Г. Устряловым. В основу своего издания историк положил неполную рукопись дневника, исходящую к архивным материалам Ватикана. Известия в тексте доводились только до конца 1607 г., потому заключительная часть источника считалась утраченной. Полный текст «Дневника Марины Мнишек» удалось отыскать известному польскому историку Александру Гиришбергу в архиве Музея князей Чарторыйских. Описываемые в рукописи № 1633 события уже следовали до января 1609 г. Данный список краковского музея и был положен в основу издания ученым записком на польском языке. Судя по всему, другой список тех же записок из музейной рукописи № 1633 так и остался А. Гиришбергу неизвестным. Его первооткрывателем и публикатором явился А. А. Титов.

Сличая новооткрытую рукопись с текстом «Дневника Марины Мнишек», опубликованным Н. Г. Устряловым, А. А. Титов обнаружил их идентичность. «Достоинство же краковской рукописи, – пояснял историк, – заключается в ее целостности: она содержит в себе весь дневник и таким образом восстанавливает утраченные листы устряловской рукописи». Руководствуясь этим важным источниковедческим наблюдением и стремясь восполнить давний пробел в отечественной историографии памятника, А. А. Титов и предпринял новое издание «Дневника Марины Мнишек» (помощницей археографа в переводе источника, как и некоторых других исторических материалов, выступила гимназическая учительница польского происхождения Ядвига Леопольдовна Яворская, преподававшая в гимназиях Москвы и Тверской губернии). Причем, за основу своей публикации А. А. Титов взял лишь ту часть дневника, которая отсутствовала в издании Н. Г. Устрялова.

Выход в 1908 г. «Дневника Марины Мнишек» в России сразу же обратил на себя внимание научной общественности. В опубликованной в журнале «Исторический вестник» рецензии подчеркивалось значение издания: «Таким образом, мы теперь имеем дневник в полном виде». Обращение к рукописи № 1633 из Краковского музея позволило установить и авторство исторического источника, о чем А. А. Титов в предисловии к изданию писал: «Судя по заметкам переписчика, Луки Голембиовского, эта рукопись – дневник Авраама Рожнятовского, одного из приближенных сандомирского воеводы Мнишка». Именно эта атрибуция авторства

«Дневника Марины Мнишек» принята в современной историографии.

Почти век спустя в свет вышло новое издание «Дневника Марины Мнишек», предпринятое В. Н. Козляковым (СПб., 1995). Академического плана публикация была снабжена новым переводом текста памятника и подробным к нему историческим комментарием. Примечательно, что в основу этой публикации была положена рукопись из собрания Ростовского музея-заповедника (Р-653), заключающая в себе ту самую копию на польском языке, которая в начале XX века была сделана для А. А. Титова с рукописи № 1633 из Музея князей Чарторыйских.

Ярослав Смирнов

К истории экспонирования финифти в послевоенное время

Существует мнение, что первая послевоенная выставка финифти появилась в музее лишь в 1970 году. Организатором ее была искусствовед Татьяна Александровна Гагарская.

Общее число выставленных экспонатов составило тогда 362 единицы, из которых большая часть (277 предметов) были работы мастеров XIX века, а 55 экспонатов – произведения XX столетия (до 1970-х гг.). Располагалась выставка в центральном здании Ростовского кремля в 8 зале третьего этажа «Самуилового» корпуса.

По свидетельству очевидцев и фотографий в качестве экспозиционного оборудования на ней использовались витрины двух типов: напольные «столы-тумбы» и настенные плоские.

На задники применялась благородная в своей простоте светло-серая бортовка ткань – «бортовка». Название ее происходит от обычая

использовать для прокладки в борта пальто и другой верхней одежды.

Документы указывают, что систематизация предметов шла по хронологическому принципу с выделением комплексов отдельных мастеров, а также технических процессов подготовки основы для живописи, росписи и изготовления оправы. Исходя из описания, такой порядок предложенного выставочного показа можно назвать классическим.

Между тем обнаруженные в отчетах музея сведения говорят о том, что уже 22 апреля 1948 года подобная «стационарная» выставка художественной финифти была открыта в «Садовой башне» (ил. 1) Ростовского кремля. Там были показаны работы ростовских мастеров как до-революционного, так и начального советского периода (с XVIII в. по «настоящее время»). По составу она также

была разнообразной. На ней демонстрировались как церковные предметы, украшенные финифтью: детали священнических облачений, венцы, митры, оклады евангелий, иконы, дарохранительницы, так и изделия светского характера. Всего, как сказано в документах, – 278 образцов. Из отчета музея известно, что отбирала экспонаты в фондах для этой выставки и занималась их изучением заведующая историческим отделом Анна Николаевна Кобылкина.

К сожалению, неизвестно, были ли фотографии с этой выставки. В документах нет и описаний оборудования, но можно предположить, что, вероятнее всего, использовались старые витрины, бывшие в обиходе еще в довоенное время. Выставка состояла из семи комплексов-витрин. В первой были представлены работы XVIII века «пластинки» таких мастеров как Всесвятский, Буров и его последо-

ватели, Чайников, а также неизвестных на тот момент финифтянников. В витринах второй и четвертой показывались работы XIX века первой и второй его половины: Сальникова, Шапошникова, Метелкина, Тюнина, Виноградова, Тарасова, Маринина, Соловьева, а также Уткина, Усачева, Козлова, Дворянцева и др. В третьей размещалась литература о финифти и произведения в оправе неизвестных мастеров разных периодов.

Выставка сопровождалась краткими пояснениями – «характеристиками». Их содержание настолько ярко отражает тенденции и сам дух времени воинствующего атеизма, что уместно привести одну из них полностью: «В конце XIX века наступил упадок финифти, кончившийся в начале XX века катастрофой. В ней повинны алчные до наживы монахи. Они захватили в свои руки финифтяный промысел, ко-

торый потом вылился почти исключительно в иконопись. Монахи не были щепетильными заказчиками. Основное требование, которое они предъявляли мастерам, сводилось к одному – товар должен быть дешевым. Образки-миниатюры размером в пуговицу продавались по 20 копеек сотня. Делая 2–3 сотни образков в день, мастер зарабатывал 50 копеек. Так монахи замечательное искусство превратили в ремесло. Таким образом, на выставке не было аннотаций в современном понимании, скорее это были революционные агитки.

В пятой витрине были представлены произведения Александра Алексеевича Назарова – ведущего финифтяника конца XIX – начала XX вв. Кроме портретов известных советских деятелей (В. И. Ленина, И. В. Сталина, К. Е. Ворошилова, М. И. Кутузова) его работы показывались пластинки для пудрениц и для портсигара

«Пограничники». Только о нем одним в «характеристике» с упоением было сказано, что «после Октябрьской социалистической революции в нашем городе финифтяное искусство имело лишь одного настоящего мастера Назарова, на долю которого и выпала честь возродить ростовскую финифть, вернуть ей утраченную славу».

Как пример возобновляющейся финифти в шестой витрине были показаны работы финифтяной артели «Возрождение». В качестве ассортимента ее изделий демонстрировалась массовая продукция производства: броши (две в сканной оправе), три пудреницы, пластинки для портсигаров, подстаканников, солонки и пудрениц. Среди мастеров артели назывались Евдокимова, Кайдалова, Старчикова, Галядкина, Кулыбина.

Как ни странно, в нарушение хронологии завершала показ седьмая витрина с работами Учебно-показательной финифтяной школы (1912–1931 гг.). Она была представлена следующими экспонатами: ларцы, чернильный прибор, ножи для резки бумаги, рамки, броши.

Таким образом, выставка 1948 года (как и 1970-го) строилась почти полностью по хронологическому принципу, с выделением отдельных комплексов. По сравнению с последующей экспозицией 1970 г. – на ней лишь не был выделен технологический процесс изготовления. Она также значительно уступала по количеству задействованных экспонатов. Зато благодаря «агиткам» имела яркое революционное лицо.

Елена Артемичева

Ил. 1. Интерьер Садовой башни, где в 1948 г. разместили выставку финифти

Ил. 2. Экспозиция ростовской финифти. 1972 г.

Каменный век в верховьях реки Сары: первые находки

До находки в 2008 г. самой крайней точкой обнаружения изделий каменного века в верхнем течении реки Сары считался район Ловецкого озера.

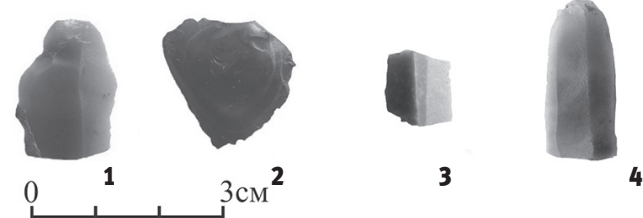
В 1979 г. и 1980-е гг. В. В. Сидоров, А. Е. Леонтьев и К. И. Комаров обнаружили там шесть неолитических стоянок. В ходе раскопок выяснилось, что одна из них была заселена еще в раннем неолите, на что указывали находки кремневых ножевидных пластин и характерные фрагменты керамических сосудов верхневолжской археологической культуры (V тыс. до н.э.).

В 2008 г. в ходе разведочных работ на Горе святой Марии, проводившихся под руководством автора данной статьи, в 250 м от р. Сары на мысовидном выступе, возвышающемся над уровнем реки на 30 м, была обнаружена ножевидная пластина (размеры – 2,15х1,6х0,3 см, инв. № А-1027/12, ил. 1, 1). Находка происходит с территории средневекового селища, поэтому не может быть надежным индикатором посещения данной местности людьми в мезолите-раннем неолите, хотя там же обнаружен и кремневый отщеп (инв. № А-1027/13, ил. 1, 2). Шурф 2016 г., прокопанный на глубину 1 м, не дал результатов. Однако в том же году при случайных обстоятельствах, на пашне между с. Фатьяново и с. Новоселка был обнаружен фрагмент ножевидной пластины (1,2х1,1х0,46 см; ил. 1, 3). Место находки – возвышенность в 500 м от р. Шумы (левый приток Сары).

И вот в этом году еще одна находка пополнила список. В ходе экскурсии на Гору св. Марии на возвышенности, почвенный покров которой был поврежден во время сведения леса, экс-

курсант Ольга Мартянова заметила «красивый камушек», полупрозрачный, светло-коричневого цвета. Он оказался третьей ножевидной пластиной (2,5х1,1х0,3 см; ил. 1, 4). Ее особенность – специфический цвет кремня, не характерный для кремневых изделий местных стоянок. Впрочем, стоит отметить, что все упомянутые находки сделаны из привозного кремня, так как местный отличается плохим качеством. Третья пластина, как и первая, происходит с территории средневекового селища. Место находки – возвышенность на водоразделе в 1 км от р. Сары, в 0,8 км от места обнаружения первой пластины и в 4 км – от второй.

Таким образом обозначился микрорегион (ил. 2), в котором следует ожидать новые подобные

Ил. 1. Находки в верховьях р. Сары

находки и вести их целенаправленный поиск. Рассмотренные пластины не поддаются точной датировке, они могут относиться как к раннему неолиту, так и к более древним эпохам. Вполне возможно, что это просто потерянные охотниками каменного века вещи, но не исключена и возможность обнаружения здесь стоянки этого времени. Три из указанных находок (две пластины и отщеп) происходят с территории выявленного объекта культурного наследия – достопримечательного места «Го-

ра святой Марии», по которому в 2016 г. эксперт В. И. Завьялова разработала документацию. Эти находки – дополнительный аргумент в пользу утверждения широких границ (ил. 2) данного достопримечательного места.

Автор благодарит старшего научного сотрудника ИА РАН, кандидата исторических наук В. В. Сидорова за консультацию, Ольгу Мартянову – за передачу находки в музей-заповедник «Ростовский кремль».

Алексей Каретников

Ил. 2. Древний рельеф в верховьях р. Сары с указанием мест находок

К истокам образования...

Окончание. Начало на 2-й с.

1917 г., сентябрь 10. – Рассмотрение членами Комиссии по административно-хозяйственному управлению Ростовским кремлем заявления старшего делопроизводителя архива Морского министерства о предоставлении помещения для архива, библиотеки и музея

(л. 2 об.) В четвертом заседании 10-го сентября 1917 года (так подчеркнуто в документе) слушали (между буквами в слове сделан интервал в одну букву) заявление старшего делопроизводителя архива Морского министерства М. (из-за утраты части бумаги прочитать вторую букву инициалов невозможно) Варфоломеева, командированного Морским министерством в г. Ростов по разысканию помещений для хранения эвакуируемых из Петрограда частей архива Морского министерства, Морского музея и Морской библиотеки с просьбой: не найдется ли возможным Комиссия по управлению Ростовским кремлем предоставить находящиеся в ее распоряжении свободные помещения под церквями Воскресенской и Спаса-на-Сенях, для хранения в них архива, библиотеки и музея Морского министерства. Упомянутые помещения им осмотрены и найдены вполне пригодными для размещения в них вышеупомянутых частей Морского министерства.

Постановили (между буквами в слове сделан интервал в одну букву): предоставить Морскому министерству свободные помещения в Ростовском кремле под церквями Воскресенской и Спаса-на-Сенях в количестве 6–7 комнат, с платою 600 руб. в год, для хранения в них эвакуируемых из Петрограда: архива Морского министерства, Морского музея и Морской библиотеки. Причем все приспособ(л. 3) ления и поделки, какая найдется нужным сделать в упомянутых помещениях министерство, то таковая оно обязано сделать за свой счет.

ГМЗРК. АДМ-232. Л. 2 об., 3. Подлинник

1917 г., ноябрь 10. – Отношение Комитета Ростовского музея в Ростовскую городскую управу о разрешении взять на хранение личный архив А. Л. Кекина

(л. 24) Копия.

В Ростовскую городскую управу.

На чердаке сарая при доме, бывшем Ивановой вместе с книгами из городской библиотеки сложено несколько ящиков с письмами и бумагами А. Л. Кекина, там они подвергаются порче вследствие сырости помещения и каждую минуту могут окончательно погибнуть от огня. Признавая за этими документами, принадлежащими незабвенному гражданину (в слове буква у напечатана от второй буквы н с интервалом в одну букву) Ростов[а], большое историческое значение, Комитет музея просит управу разрешить взять эти бумаги для разборки и более тщательного хранения в помещении музея.

На подлинном подписали:

Товарищ председателя А. Титов.

Хранитель музея Д. Иванов.

Секретарь И. Богославский.

ГМЗРК. АДМ-231. Л. 24. Копия

Контракт аренды ростовцами огородной земли у Тихвинского монастыря, 1824 г.

В своих воспоминаниях крестьянин села Угодич Александр Яковлевич Артынов (1813–1896) писал, что его отец Яков Дмитриевич после ярмарки в Тихвине оставался там огородничать на монастырских огородах Тихвинского большого монастыря. Приезжал он домой уже в декабре месяце в разные числа. На ежегодную Тихвинскую ярмарку в город свозились товары со всего центра России и ближнего зарубежья. После открытия в 1811 г. Тихвинской водной системы, соединившей Волгу с Балтийским морем, город приобрел еще большее экономическое значение в жизни страны и стал важным перевалочным пунктом для торговых судов, следовавших на Нижегородскую ярмарку.

Первый раз А. Я. Артынов побывал в Тихвине в 1822 г., в возрасте восьми лет. 17 января 1823 г. его отец Яков Дмитриевич при освещении воды в Угодичах на праздник Богоявления Господня от сильного холода простудил голову, слег в постель и умер в возрасте 63 лет. «По смерти отца я остался единственным его наследником; мне было тогда 10 лет; составила по малолетству домашняя опека из двух сватов отца, купца Василья Афанасьева Малышева и Андрея Гаврилова Грачева». Старшие сестры Александра Яковлевича Мария была выдана в Ростов за Гаврила Васильева Малышева, а Анастасия – в село Сулость за Дмитрия Андреева Грачева.

«Опекуны, – вспоминал Александр Яковлевич, – повели речь о городе Тихвине. Кому и как там управлять огородами? Мать моя в этом деле была неопытна. У зятя Грачева был свой огород в Питере; зять ростовский, Гаврила Васильев Малышев, был уже с отцом моим по три года в Тихвине, и моя мать, по своему расположению к этому ростовскому зятю, отдала ему все огородное заведение; она выговорила впрочем, чтоб он занялся моим воспитанием. Когда нужно было ехать в Тихвин на ярмарку, то отправились: мать моя, зять Гаврила и я; дома же была оставлена старшая сестра моя Марья – жена Гаврилы Малышева, с двумя работницами, так что опущения в хозяйстве не было нисколько». Таким образом, огородное заведение

Артыновых в Тихвине перешло под управление ростовских купцов Малышевых – опекуна и зятя.

По отчетам зятя Гаврилы, отданным опекуном, его отцом В. А. Малышевым, лето 1823 г. было для огородничества самое плодотворное и успешное. «Приезд Государя в Тихвин был в самый сбор всех плодов, и потому расход на плоды слишком велик, прилив же разного рабочего народа в город был огромный, – вспоминал Александр Яковлевич. – Это произошло оттого, что приводились в благодное состояние трактовые дороги на тех пунктах, где поедет Государь, и в самом городе устраивались проспекты и красились обывательские дома. Все это для торговли огородными овощами было очень прибыльно, так что у нас за всем расходом оказалось пользы более 6000 рублей ассигнациями. На всю эту сумму зять без всякого видимого документа, по одному будто бы словесному желанию моей матери, взял себе, как и все огородное заведение; давно ведь уже сказано: «Греча не хлеб, а зять не кормилец».

В маклерской книге города Ростова нами обнаружен договор аренды огородной земли у Тихвинского монастыря, датированный 4 марта 1824 г. Скорпись, довольно хороший черчерк, чернила черного цвета. Его заключили архимандрит Тихвинского Большого монастыря Илларион с братьями и ростовский купец Василий Афанасьев Малышев со своими детьми Гаврилой и Александром.

Суть договора в том, что упомянутые Малышевы взяли у отца архимандрита с братией во владение «из оброку», то есть в аренду, под выращивание овощей, монастырскую огородную землю. Указывается срок аренды – «впредь на восемь годов», с начала января текущего года «по будущий 1823 г. января по первое число». Таким образом, здесь в тексте документа была допущена ошибка: следовало написать –1833 г. Ниже условия изложены по пунктам, определяющие границы взятой в аренду огородной земли: Во-первых, у конюшного двора, подле казенного поляца(?), вверх по бугор, до межи, где растет(?) хлеб. Во-вторых, по другую сторону, напротив выстроенных новых гостиных келий и во-круг деревянного монастырского гостиного двора;

за перелогом, напротив бани и за озерком, что у бани всю землю с покосом. В-третьих, в самом монастыре, от задних ворот, по левую сторону, за кузницей и кухней, до передних ворот. «Одним словом всю сторону к полудни, кроме сенокосу, не включая только к северу монастырский сад».

Среди условий указывается вывоз на эти огороды монастырского навоза собственными лошадьми арендаторов «из конского или коровьего дворов». Из других мест навоз оставался монастырю для удобрения «пашенной земли». Очевидно, полевых угодий.

Важное место в договоре занимает подробное описание арендной платы. Вместо денег Малышевы обязались ежегодно давать в монастырь овощи, из огородного произрастания. Таким образом, аренда взималась натурой. Какие именно овощи принимал монастырь в качестве арендной платы, в документе также расписано по пунктам. Во-первых, капусты сто гряд, «где потребно будет монастырю взять безобидно». То есть по выбору. «По условию с огородником, – вспоминал А. Я. Артынов, – монастырь отбирал для обители в число аренды известное количество гряд капусты. Казначей со старыми иеромонахами, числом человек 6, бывало, идут отбирать по договору капусту самую хорошую; после этого оставшуюся капусту огородник и будет уже продавать гражданам». Во-вторых, огурцов по двадцати тысяч. По разным источникам, огурцы в XVIII–XIX веке считали не на вес, а поштучно. Если пересчитать, в одном кг средних огурцов около 12 шт. 20 000 огурцов составляет около 1 670 кг. В-третьих, моркови по десять гряд. И далее по пунктам: свеклы по двадцать гряд; по одной гряде петрушки и пастернака; лука репчатого – тридцать восемь четвериков; картофеля – 48 четвериков. Редьки пять гряд; хрена молотого два пуда; шалфея два пуда; мяты один пуд. Таким образом, в качестве арендной платы натурой представлен довольно большой набор огородных культур, овощей и трав, которые выращивались ростовцами на рынок, за исключением, как видим, спаржи.

Кроме вышеперечисленного, сверх него, ростовцы должны были поставить заметный объем

«огородных произрастаний» для находившегося при монастыре духовного училища, который в документе также перечислен по пунктам: двадцать гряд капусты; десять четвериков лука; семь гряд лука зеленого, расположенных «у поварни» упомянутого учебного заведения.

В тексте договора ниже следует условие, что Малышевы «дали» такой договор чтобы по истечении срока его действия данные огороды вновь были отданы им с доставлением монастырю всех прописанных овощей. В случае «великого неурожая огурцов и прочего» монастырь был обязан войти в положение арендаторов и «благоволить» сделать по арендной плате «снисхождение». В течение всего срока аренды монастырских огородов ростовцы должны были вести себя «как честному и доброму гражданину подобает». Работников держать в хозяйской строгости, с законными и явными в городском правлении паспортами. В противном случае арендаторы должны были отвечать по законам сами, при нарушении каких-то пунктов договора должны были стараться не допускать дела до суда и «...что потребно будет монастырю обязаны заплатить безоговорочно».

Монастырь соблаговолил выдать Малышевым копию рассмотренного контракта, с подписью настоятеля. Ниже, под текстом договора, другим почерком стоят подписи ростовского купца Василия Афанасьева Малышева, ростовских купеческих сыновей Гаврилы Васильева Малышева и Александра Пересветова. 4 марта 1824 г. данный контракт был явлен в Ростове у маклерских дел. В маклерскую книгу под № 189 его записал маклер Николай Носов. Ниже под текстом договора следует приписка: «оной контракт получил ростовской купец Василий Малышев».

Таким образом, вышерассмотренный контракт является прямым документальным свидетельством, почти в деталях подтверждающим воспоминания крестьянина А. Я. Артынова о масштабной торговли и огородной деятельности его отца и родственников в Тихвине, коммерческих и личных долговременных контактах ростовцев с Тихвинским монастырем.

Александр Морозов